

9. Смоленский М.А. О предполагаемом сообщении между реками Печорой и Обью // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Тюмень, 2004. Кн.2. С. 23–32.
10. Морозова Н.Н. Коммуникация власти и общества (по материалам «Губернских ведомостей» Западной Сибири 1857–1866 гг.). Новосибирск, 2012.
11. Матханова Н.П. Тобольский губернатор В.А. Арцимович и его записки о севере губернии // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 10–14.
12. Жилинский А.А. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск, 1918.
13. Ламин В.А., Ноздрин Г.А. Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Личность в истории Сибири XVIII – XX веков: сб. биогр. очерков. Новосибирск, 2007. С. 113–123.
14. Комлева Е.В. Вклад купечества в исследование и освоение северных территорий России (конец XVIII – начало XX в.) // Государственная политика России в Арктике: Стратегия и практика освоения в XVIII – XXI вв. Новосибирск, 2012. С. 73–89.
15. Востротин С.В. Северный морской торговый путь в Сибирь // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 338–361.
16. Шиловский М.В. Исторический опыт хозяйственного освоения Арктической зоны России в дореволюционный период // Государственная политика России в Арктике: Стратегия и практика освоения в XVIII – XXI вв. Новосибирск, 2012. С. 90–103.
17. Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д.Н. Бантыш-Каменского. 1825–1834 гг. Сообщ. В.Д. Бантыш-Каменским // Русская старина. 1873. № 6. С. 735–784.
18. Беляевский Ф.И. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833.
19. Очерки истории Югры. СПб., 2000.
20. Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень, 2001.

Статья поступила
в редакцию 21.08.2014

УДК 351:332.1(571.6)"17/18" + 351:314.72(571.6)"17/18"

Е.В. КОМЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА В ОБЛАСТИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: feodal@history.nsc.ru

В статье освещаются основные направления государственной политики по освоению северо-восточных территорий России и включению их в экономическое и социокультурное пространство страны в конце XVIII – первой половине XIX в., анализируется взаимодействие государства и частных лиц на этом поприще. Рассматривается решение таких проблем, как организация заселения северо-восточных районов, прокладка путей сообщения, снабжение населения продовольствием, политика по отношению к аборигенным народам. Делается вывод, что в течение рассматриваемого периода долговременной государственной стратегии по развитию конкретно северо-восточных окраин империи не существовало – предпринимавшиеся в этом направлении шаги осуществлялись в рамках планов по развитию Сибири в целом. Наибольшее внимание при этом уделялось заселению стратегически важных северных районов – Камчатки и Охотского побережья. Рассмотренные проекты чиновников и купцов по освоению труднодоступных северных территорий показывают, что как у государственных служащих, так и у заинтересованных предпринимателей, несомненно, было ясное понимание того, что без активного участия государства, без привлечения мобилизационных возможностей его управленического аппарата невозможно обеспечить решение многих проблем, связанных с заселением и хозяйственным освоением севера. Особое внимание уделено наиболее масштабному проекту, осуществлявшемуся в течение рассматриваемого периода, – деятельности Российско-американской компании. Однако во многом из-за отсутствия планомерных систематических усилий в деле освоения северо-восточных территорий страны к середине XIX в. не удалось достигнуть значительных результатов.

Ключевые слова: северо-восток России, экономическое и социокультурное освоение, политика правительства, частный капитал.

Освоение труднодоступных северо-восточных территорий и полноценное включение их в экономическое и социокультурное пространство России –

сложный многовековой процесс, на протяжении которого усилия государства переплетались с инициативой частных лиц. Активное освоение земель на крайнем севере Сибири началось лишь со второй половины XIX в., чему в значительной степени способствовали обнаружение там залежей полезных ископаемых и появившаяся возможность эксплуатации Северо-

*Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН, №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

го морского пути. В данной статье мы остановимся на предшествующем этому прорыву периоде – конце XVIII – первой половине XIX в. – и рассмотрим, как в то время решались самые насущные задачи по колонизации северо-востока России.

По мнению Н.М. Ядринцева, уточненному В.П. Зиновьевым, Россия продвигалась в Сибирь в XVII в. за пушниной, в XVIII в. – серебром, в первой половине XIX в. – золотом, во второй половине XIX в. – за хлебом [1, с. 263; 2, с. 42]. Далеко не все из этого перечня могли дать самые северные арктические территории региона. В XVII–XVIII вв. интерес к ним обусловливался главным образом изобилием пушного зверя, однако в XVIII в. его поголовье резко сократилось, и прежнее оживление из некогда важных мехопромышленных центров стало быстро исчезать. К началу XIX в. утратили былое значение такие северные города, как Пелым, Сургут, Нарым, Березов, Илимск, Туруханск. Освоение северо-востока России тогда, казалось, не сулило никакой экономической выгоды (за исключением Аляски), а на-против, требовало невосполнимых затрат по заселению и поддержанию уровня жизни населения, содержанию управлеченческого аппарата и воинских формирований. Например, от содержания Камчатки с конца XVIII в. государство несло более 20 тыс. руб. ежегодного убытка. Долгое время служивший там лейтенант П.Ф. Кузмищев в 1830-х гг. сравнивал полуостров с чужеродным растением, «которое привилось к России и живет и питается на ее счет», но которое, однако, «отсечь и бросить... жалко и нельзя» [3, с. 57, 127].

Долгое время развитие крайнего севера Сибири рассматривалось лишь в рамках развития региона в целом, какого бы то ни было долговременного плана по колонизации этих труднодоступных мест не существовало. Во второй четверти XIX в. наблюдается усиление внимания правительства к Сибири: в 1819–1838 гг. действует Первый сибирский комитет, в 1830-х – 1850-х гг. создается несколько межведомственных комитетов по сибирскому вопросу [4, с. 132–133], разными ведомствами составляются аналитические записки о состоянии дел в регионе [5]. Однако ни Первый сибирский комитет – «основной координирующий и законосовещательный орган по вопросам сибирского края» [4, с. 279], ни другие учреждения практически не затрагивали проблем, связанных конкретно с освоением самых северных территорий Сибири. Исключение составлял «инородческий» вопрос, но и он рассматривался применительно ко всей Сибири.

Пожалуй, из всего северо-востока России наибольшее внимание уделялось стратегически значимой территории – Охотскому побережью и Камчатке, в течение XVIII–XIX вв. их пытались заселить русскими поселенцами и тунгусами, и там, где возможно, предпринимались упорные попытки насадить хлебопашество. С целью закрепления этих территорий за Россией в 1820 г. иностранцам, дабы «отклонить их влияние на этот далекий полуостров», даже было запрещено селиться и записываться в купеческие гильдии в Охотске и на Камчатке [6, с. 250]. Однако из-за

крайне небольшого числа российских подданных, желающих добровольно переехать на новое место жительства, приходилось прибегать и к «штрафной» колонизации. Поселенцев снабжали рогатым скотом, семенами, сельскохозяйственными орудиями, однако выращивание зерновых в суровом климате не приносило желаемых результатов. Малочисленность населения края вызывала постоянное беспокойство местных властей. В 1827 г. начальник Камчатки Голенищев даже подал в Первый сибирский комитет проект по заселению ее крестьянами из Якутской области и Иркутской губернии, но его не поддержали [7, с. 133–134]. В 1830–1837 гг. по его же инициативе на Камчатке действовало Земледельческое общество, в 1828 г. туда был прислан садовник, в 1840 г. – агроном, в 1849 г. полуостров посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, а в 1850 г. военный губернатор Камчатской области В.А. Завойко составил проект по заселению Камчатки, но он не был реализован [6, с. 300; 7, с. 134–136].

Проблеме заселения окраин страны русскими, которые бы стали «этнодемографической основой государственной целостности» [8, с. 102], придавалось большое значение. Помимо организации переселений на Камчатку известны также попытки населить другие северные районы как Восточной, так и Западной Сибири: Охотскую область, Якутскую область, Туруханский край, север Тобольской губернии, Аляску [9, с. 119; 6, с. 205]. Чтобы помочь поселенцам закрепиться на новом месте, им предоставлялись льготы по исполнению рекрутской повинности и платежу налогов [6, с. 233, 271, 275].

Надо сказать, что не только чиновники, но и простые обыватели понимали, что без усилий государства заселить север едва ли возможно. Государство, в свою очередь, пыталось хотя бы в какой-то степени опереться на помощь общества. Это проявлялось, в частности, в организации сбора пожертвований в пользу переселенцев: например, когда в 1852 г. партия из 122 семей переселенцев отправлялась на Камчатку, то якутские власти собрали 44 руб. частных пожертвований (от якутов и купцов), 10 пуд. масла, 15 пуд. мяса и невод [7, с. 136–137].

Однако в конце XVIII – первой половине XIX в. меры по заселению русскими северо-востока Сибири не носили систематического характера – планомерная колонизационная политика начинается только с принятием ряда переселенческих законов в конце 1880-х – начале 1890-х гг. – и поэтому не могли привести к каким-нибудь серьезным положительным сдвигам. Так, к 1835 г. на Камчатке крестьян вместе с военными числилось всего 679 чел. [7, с. 134], к концу XIX в. на огромной территории от Витима до Якутска проживало лишь около 10 тыс. крестьян [10, с. 219]. В других северных районах на протяжении первой половины XIX в. отмечалась негативная демографическая тенденция, затрагивающая как русское, так и аборигенное население. Если в конце XVIII в. в Туруханском крае проживало 3560 чел. муж. пола, в том

числе 3267 ясачных¹, в 1832 г. – 3971 чел. муж. пола, в том числе 3509 ясачных², то в 1850 г. – уже 2669 чел. муж. пола. На территории Обдорской волости Березовского уезда в начале XIX в. насчитывался 3341 остяк, а ко второй половине XIX в. – уже только 2973 остяка [11, с. 243].

Другой важной проблемой и существенной преградой для освоения и полноценного вовлечения в экономический оборот северных сибирских территорий долгое время было отсутствие надежного и дешевого транспортного сообщения, развитых транспортных связей с Центральной Россией и Западной Европой. На севере эксплуатировались Иркутско-Якутский, Якутско-Охотский, Енисейский и другие тракты, однако они не решали всех проблем, связанных с транспортировкой грузов. Даже проложенный в 1760–1780-х гг. Сибирский тракт – «символ объединения окраин и метрополии» – до середины XIX в. так и «не превратился в окончательно устроенную дорогу, которая удовлетворяла всем требованиям того времени» [12, с. 5]. Проект устройства Обско-Енисейского канала, выдвинутый в 1797 г., остался не реализованным [6, с. 207]. В 1809–1822 гг. поиском водных и прокладкой сухопутных путей сообщения на территории Сибири занималосьправление X округа Ведомства путей сообщения, однако его планы о постройке Васиоганского канала остались невоплощенными. В 1841 г. в Главном управлении путей сообщения рассматривался проект по устройству Кетского канала, но и он не был реализован [6, с. 318].

Наверное, единственным вкладом в развитие сухопутного сообщения на северо-востоке Сибири в течение рассматриваемого периода стали дороги от Якутска до Аянской фактории на берегу Охотского моря, а также от Аяна до р. Лены, проложенные в 1840-х гг. усилиями Российско-американской компании. Окрестности Аянского тракта заселялись якутами и ссыльными скопцами с помощью соответствующих распоряжений правительства [13, с. 417–422]. Что касается речного пароходства в Сибири, начавшего развиваться с 1840-х гг., то оно «заметное влияние на грузовые перевозки стало оказывать только во второй половине XIX в.» [14, с. 66].

С начала XVIII в. неоднократно предпринимались попытки открыть морской транспортный путь между центральной частью страны и Сибирью, связать устья Енисея, Оби и Печоры, что позволило бы значительно облегчить вывоз сибирского сырья в Европу, активизировать сибирскую торговлю и промышленность, оживить обширные малонаселенные северные территории. Однако все предпринимавшиеся попытки по реализации смелых проектов открытия «северного хода» оканчивались неудачей [15, с. 52]. Даже в начале 1870-х гг. сообщение по Северному Ледовитому океану с Сибирью считалось невозможным [16, с. 76, 78].

Еще одной приоритетной задачей, стоявшей перед правительством, можно назвать обеспечение бла-

гоприятных условий для интеграции сибирских аборигенных этносов в состав Российского государства. На протяжении XVIII–XIX вв. политика правительства по отношению к коренным народам сибирского севера «имела четко выраженный патерналистский характер» [11, с. 249]: строго отслеживалось соблюдение прав инородцев, поддерживалась национальная элита. Например, в 1787 г. вышло распоряжение «о воспрещении промышленникам на островах Восточного океана чинить жестокости и грабительства местным природным жителям» [6, с. 199], в 1803 г. – «об отвращении отягощения, терпимого якутами в принужденной перевозке в Охотск и другие отдаленные места провинта и воинских потребностей» [6, с. 199, 220].

Важной вехой в государственной политике по отношению к аборигенным этносам стала реформа 1822 г., которая, однако, имела и некоторые негативные последствия. В частности, закрепление за инородцами земель по праву первоначального поселения и необходимость оформления аренды этих земель пришлым населением вызвало в 1850-х гг. бунт против русских и зырян в ряде поселений на севере Западной Сибири. В Обдорске начались погромы домов и амбаров торговцев, высказывались призывы даже к полному уничтожению села. Только вмешательство тобольского генерал-губернатора Г.Х. Гасфорта, который сам приехал в Обдорск, помогло разрешить конфликт [11, с. 247].

Центральные власти были заинтересованы в поддержании и увеличении численности коренных сибирских народов, поскольку от этого зависели как сбор ясака и пополнение государственной казны, так и улучшение благосостояния русского населения, занимавшегося торговлей с аборигенами, да и в целом стабильность ситуации в регионе. Среди принимавшихся в конце XVIII – первой половине XIX в. мер особое значение имела борьба с эпидемиями: в 1807 г. для лечения сифилиса был направлен врач на Камчатку, в 1815 г. – в Среднеколымский и Зашибирский уезды во время вспышки среди якутов сифилиса и проказы, в 1835 г. в Березове и Нарыме открылись «на казенный счет» больницы для лечения инородцев от сифилиса [6, с. 227, 239, 310]. Начало оспопрививания и введение в лекарский штат северных городов так называемых «оспенных учеников» позволило снизить смертность среди северян от этого страшного заболевания. Другим направлением политики правительства по развитию интеграционных процессов стало приобщение северных народов к просвещению. Например, в 1790 г. был принят указ «о заведении училища для детей якутов», в 1805 г. – о воспитании при монастыре «ясачных сирот Туруханского края» [6, с. 201, 223].

Большая проблема была связана с обеспечением в нужном объеме продовольствием населения северных районов. При этом казна зачастую конкурировала с интересами частных лиц. С одной стороны, в XVIII в. государство брало на себя заботу о снабжении не только военного, но и гражданского населения северных и северо-восточных окраин Сибири, а с другой – местным властям требовалось обеспечивать масштабные

¹ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 252. Л. 73 об. – 74.

² ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 7 об.

закупки зерна также для различных казенных нужд: винокуренных и солеваренных заводов, кабинетских металлургических предприятий, армии, научно-исследовательских экспедиций, казенных хлебных магазинов и пр. В.Н. Разгон приводит относящиеся к 1770-м гг. случаи, когда закупленные и сплавлявшиеся на барках по Чулыму в Нарым томскими купцами Г. Сапошковым и Г. Гуляковым партии хлеба были арестованы и принудительно перекуплены казной по заниженной цене [17, с. 7].

В конце XVIII – первой четверти XIX в. в снабжении хлебом северо-востока произошли существенные изменения, результатом которых стало утверждение принципа свободы хлебной торговли. С 1777 г. прекратился казенный сплав хлеба из Тобольска, Енисейска и Илимска в Якутск – отныне территория Якутской области и Охотско-Камчатского края стала снабжаться через посредство частных торговцев [6, с. 170]. В 1784 г. вышло предписание Тобольского наместнического правления, согласно которому купцы и мещане могли беспрепятственно закупать и отправлять хлеб в Нарым, Сургут, Березов и Туруханск [17, с. 8], в 1817 г. был издан указ «о разрешении свободного привоза хлеба к ясачным народам во всякое время» [6, с. 242]. Принятые в 1823 г. Подтверждительные правила о свободе внутренней торговли М.М. Сперанского призваны были окончательно закрепить свободу хлебной торговли. Впрочем, все эти постановления проводились в жизнь не всегда последовательно – иногда, из-за опасения возможного роста цен на жизненно важные припасы, издавались противоположные по смыслу распоряжения, да и сами реформы М.М. Сперанского также носили во многом противоречивый характер [17, с. 9, 12].

Нельзя сказать, что насаждение принципа свободы хлебной торговли вело к полному устраниению властей от обеспечения хлебом северных районов Сибири – частный капитал не мог покрыть всех нужд местного населения. В начале XIX в. в Сибири были учреждены казенные запасные хлебные магазины. В 1830-х гг. на территории Туруханского края действовало 34 таких магазина, в которых как русское, так и аборигенное население покупало или выменивало на мех пшеницу и овес³. При недостатке средств казенный хлеб можно было получать в течение нескольких лет в долг – сначала это правило распространялось только на инородцев, а затем стало применяться и в отношении русского населения [6, с. 312].

Следует отметить, что до второй половины XIX в. из-за отсутствия надежного транспортного сообщения не так уж многие представители крупного частного капитала стремились развивать торговлю в северном направлении. Исключение составляет деятельность Российской-американской компании – наиболее масштабный проект, реализовывавшийся в течение рассматриваемого периода, является примером совпадения интересов частных лиц и государства, это было своего рода

«частно-государственное» предприятие. Вместе с полученной в 1799 г. полной монополией на колонизацию северной части Тихого океана Российско-американская компания приобрела и функции государственного управления на этой территории. Однако правительство, оказывая всестороннюю поддержку руководству компании, предоставляя ей различные льготы и наделяя широкими полномочиями, само же в значительной степени и привело ее к банкротству, постоянно требуя изменения устава предприятия, возлагая на него обязанности по снабжению населения, содержанию школ, больниц, православных церквей, проведению миссионерской работы среди аборигенного населения, организации научно-исследовательских экспедиций, обеспечению безопасности находящихся в ее ведении территориальных земель и др. [13, с. 272, 274].

Примером интереса частного капитала к освоению еще более, чем Русская Америка, неподходящих для этого северных пространств Сибири может служить инициатива енисейского купца А.А. Кобычева, составившего в 1853 г. специальный проект преобразования Туруханского края, в котором предлагал отдать ему эти земли в монополию на 25 лет. За это он обещал выплачивать казне все причитающиеся с местного населения подати, обеспечить жителей в достатке продовольствием, содержать на свои средства казачью команду и врача. Кобычев указывал на невозможность успешного освоения региона без участия частного капитала, наряду с этим признавая необходимым для заселения региона также привлечение государственных ресурсов. Отказ удовлетворить этот проект пришел уже после смерти автора проекта [18, с. 297].

В целом отсутствие четкой государственной стратегии по колонизации северо-восточных территорий, непоследовательные и несистематические попытки решить стоявшие перед северными районами задачи – все это не позволило достичь к середине XIX в. ощутимых результатов в освоении северо-востока страны. Ряд важных проблем (например, необходимость организации природоохранной службы и принятия мер для восполнения поголовья пушного зверя, разведка полезных ископаемых и др.) вообще оставался без должного внимания. Частные лица осознавали невозможность заселения северо-востока России без привлечения административных ресурсов государства, которое, в свою очередь, стремилось опереться на общественную поддержку, однако отложенные механизмы взаимодействия в этой области государства и частного капитала еще не были выработаны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Серия: История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 2003. Вып. III.

2. Зиновьев В.П. К вопросу о промышленной колонизации Сибири в XIX – начале XX в. // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в.: Материалы регион. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. И.В. Островского. Новосибирск, 2006. С. 41–48.

³ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 7.

3. Казарян П.Л. План П.Ф. Кузмищева 1834 года о передаче Охотско-Камчатского края Российско-Американской компании. Якутск, 2009.
4. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009.
5. Ивонин А.Р. Сибирь 30-х гг. XIX в. глазами III Отделения // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – начало XX в.). Иркутск, 2008. С. 217–227.
6. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993.
7. Сафонов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978.
8. Ремнев А.В. Еще раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.): Материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 100–105.
9. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX вв. Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск, 1992.
10. Шевченко Н.П., Антоненко Т.Ф. Некоторые аспекты переселенческой политики в Сибири во второй половине XIX века // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: Материалы Всерос. науч.-теор. конф., посв. памяти профессора В.И. Дулова. Иркутск, 2008. Кн. 2. С. 217–221.
11. История Ямала: в 2 т. Екатеринбург, 2010. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 2: Российская колонизация.
12. Бойко В.П. К вопросу о строительстве Московско-Сибирского тракта как основной транспортной магистрали Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в. СПб., 2010. Вып. 3. С. 4–12.
13. Ермолов А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово, 2013.
14. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). Барнаул, 1999.
15. Бочanova Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000.
16. Гончаров А.Е. Михаил Константинович Сидоров и неразрешенная проблема сибирского Севера // Енисейский Север: история и современность. Красноярск, 2011. Вып. 1. С. 73–82.
17. Разгон В.Н. Государственное регулирование хлебной торговли в Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997. Вып. 2. С. 5–19.
18. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии: Машинопись. (Енисейский краеведческий музей).

Статья поступила в редакцию 18.08.2014

УДК 94(47).084.3

А.А. НИКОЛАЕВ

ХЭНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СЕВЕРНОМ ПРИОБЬЕ: СОСТАВ УЧАСТИКОВ И ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.*

д-р. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: agronicol@gmail.com

В статье анализируется исторический опыт потребительской кооперации по организации торговли и обеспечению жителей Севера продовольствием и промышленными товарами. Акцентируется внимание на одной из важных предпосылок появления кооперативов в трудно доступных районах, а именно: активности кооперативных союзов Сибири, расположенных в южных сельскохозяйственных зонах по налаживанию собственной сети и использованию речных и морских коммуникаций. Крупный кооперативный союз союзов потребительской кооперации (Закупсыбыт) организовал в августе – сентябре 1919 г., через р. Обь и Северный морской путь товарообмен между Сибирью и Западной Европой.

Хэнское общество потребителей в Обдорском районе Тобольского округа Уральской области было организовано в феврале 1920 г. по инициативе местных жителей, проживавших и кочевавших в бассейне Обской губы. Специфика торгово-экономической деятельности общества обуславливалась природно-географическими факторами и особенностями национального состава, образа жизни и потребностями северян. Зона деятельности кооператива охватывала селения Хэнского и Тазовского сельсоветов и кочевое население Ямальской и Низовой тундры. Район обладал 20 богатыми рыболовными угодьями, а тундра изобиловала ценным пушным зверем.

Потребительский кооператив охватывал значительную часть взрослого населения. На 1 июля 1925 г. в нем состояло 257 членов-пайщиков, большая часть из которых принадлежала к малочисленным народам Севера – самоедам и зырянам (222 чел. или 86,4 %), занимавшихся оленеводством, звероловством, рыболовством и кочевавших по тундре. Русское оседлое население в кооперативе (15 из 33 чел.) выполняло управленческие функции. Значительные средства общество тратило на культурно-массовую деятельность, что являлось верным индикатором успешности хозяйственной работы. Несмотря на тяжелые экономические обстоятельства первых лет нэпа и географическую отдаленность района, общество оказалось вполне жизнеспособным и соблюдало кооперативные принципы организации.

Ключевые слова: Хэнское общество потребителей, потребительская кооперация, кооперативные союзы Сибири, торговля, Северный морской путь.

*Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН, №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».